Р.Ю. Почекаев

НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург

Право империи Юань: дуализм источников и проблема «национальной принадлежности»

Историография истории права империи Юань до сих пор остаётся довольно скудной в отличие от обширной историографии, посвящённой правовым памятникам более ранних династий (от Тан до Си Ся) и более ранних (Мин и Цин): достаточно сослаться, например, на фундаментальные исследования одних только российских и советских исследователей – А.Л. Леонтьева, Е.И. Кычанова, В.М. Рыбакова, Н.П. Свистуновой и др. Что же касается права династии Юань, то оно, безусловно, затрагивалось в трудах исследователей либо по общей истории Монголии [10, с. 68–73; 12], либо по истории китайского права. Вместе с тем, интересно отметить, что ряд исследователей, давая общую характеристику средневекового китайского права (как в специальных трудах, так и обзорных), как бы игнорируют право эпохи Юань, считая его, по-видимому, «чужеродным» для Срединного государства [см., напр.: 13, с. 386–410; 19; 20, с. 217–245].

Специальные исследования правовой истории династии Юань представлены работами преимущественно западных авторов – П. Рачневски (право Юань в *Юань ши*) [73; 74; 75; 76], Г.Ф. Шурманна (правовое регулирование экономики Юань) [77; 78], Б. Бёрч (вопросы семейного и наследственного права) [40; 41; 42; 43; 44], Л. Янга (характеристика отдельных источников права) [81], Дж.Д. Ланглуа (соотношение «писанного» и «живого» права в эпоху Юань) [66] и некоторых других. Отдельные правовые аспекты рассмотрены в работах авторов, исследующих вопросы политической идеологии, государственного устройства и системы управления Китая эпохи Юань – Г. Франке [65], Д. Фаркухара [64], Э. Эндикотт-Уэст [62; 63], Д. Дардесса [58; 59; 61]. В некоторых случаях отдельные правовые

© Почекаев Р.Ю., 2014

вопросы истории Юань затрагивались и в более специфических исследованиях – например, в работе Э. Вольфа, посвящённой юаньским драмам на судебные сюжеты [80]. Тем не менее, круг таких работ весьма немногочислен, причём самое главное, что круг юаньских источников до сих пор введён в оборот в сравнительно малой степени – исключения составляют публикации переводов отдельных цзюаней *Юань ши*, содержащих информацию о праве династии Юань и комментарии к ним, осуществлённые П. Рачневски и Г.Ф. Шурманном, а также попытка реконструкции свода законов династии Юань 1291 г., предпринятая П.Х. Ченом [49].

В отечественной историографии вопросами права династии Юань занимались и занимаются сегодня отдельные исследователи, причём лишь единицы их них могут быть охарактеризованы именно как исследователи собственно историко-правовых аспектов развития Китая эпохи монгольского владычества. Так, в дореволюционной литературе проблемам юаньского права посвятили свои работы А. Иванов (краткое сообщение об указе императора Ин-цзуна) [15] и П.С. Попов [27], которых, впрочем, интересовало не столько само право династии Юань, сколько его связи и параллели с правом Монгольской империи. Некоторые сведения о праве Юань приведены в работах В.Н. Казина [17] и Н.Ц. Мункуева [23; 71]. В последнее время отдельные вопросы юаньского права нашли отражения в работах В.А. Беляева и С.В. Сидоровича (в связи с монетным делом династии Юань) [2; 3], Р.П. Храпачевского (в большей степени в связи с историей Золотой Орды и её контактов с империей Юань) [36; 37], Е.Ф. Баялиевой (исследование памятников права как исторических источников) [1].

Таким образом, приходится констатировать, что представления о праве династии Юань являются сравнительно лапидарными и не позволяют составить целостную картину этой правовой системы и, тем более, правовых реалий юаньской эпохи. Вероятно, именно в связи с этим в востоковедной науке сложился определённый стереотип о некоем «обособленном» положении юаньского права в истории правового развития Китая. До сих пор исследователи спорят о его «национальной принадлежности». Ряд учёных полагает, что монгольское правовое влияние в Китае в эпоху Юань было весьма значительным. Другие исследователи считают, что монголы, напротив, практически не повлияли на систему китайского права, сложившегося ко времени правления Юань, и все дошедшие до нашего времени правовые памятники являются типичными образцами китайской правовой традиции, и никакой заслуги монголов в развитии китайского права нет.

Итак, являлось ли право империи Юань в большей степени монгольским или же собственно китайским? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, уяснить, что империя Юань, её монархи и, соответственно, созданная ими правовая система характеризовались определённым дуализмом: являясь «типичными» китайскими императорами, правители Юань являлись также и властителями обширной Монгольской империи, признаваясь в качестве таковых, как минимум до середины XIV в. Таким образом, помимо обладания троном Поднебесной империи, они обладали также и статусом «универсальных» императоров – повелителей «мир-империи» (что, в общем-то, в известной степени соответствовало политической идеологии и предшествующих императоров Китая) [65, p. 18, 24]. Номинально власть великих ханов – императоров Юань распространялась на огромные территории евразийского материка, причём в одни периоды их правление в Китае являлось своеобразным фактором легитимации их имперской власти и над другими чингизидскими улусами, в другие – напротив, основанием для оспаривания их власти другими претендентами на престол.

Соответственно, говорить о некоей единой системе права эпохи Юань не приходится: надо чётко выделять два уровня правовых источников в этот период: 1) нормативные акты общеимперского значения, действие которых распространялось на все улусы, признававшие власть великих ханов (Хубилая и его потомков), в т.ч. и китайские области, и 2) нормативные акты и своды, созданные непосредственно для регулирования правоотношений между китайскими подданными монгольских ханов. При этом оба уровня источников следует рассматривать именно как элементы единой правовой системы – только при таком их рассмотрении появится возможность дать объективную характеристику права Юань и оценить его особое место и роль в истории китайского права.

Таким образом, круг известных на сегодняшний день источников права эпохи Юань (до сих пор ограничивавшийся рядом кодификаций, известных исследователям), может быть существенно расширен за счёт ханских ярлыков – указов императоров Юань (в юаньской правовой традиции – *шэн-чжи*), изданных в соответствии с монгольской общеимперской практикой и имевших распространение как в Китае, так и за его пределами. Эти акты, безусловно, также не столь многочисленны, и их изучение не позволяет составить полное представление о развитии монгольского имперского права в юаньскую эпоху, тем не менее, в распоряжении исследователей имеется немалое количество текстов императорских указов, существенно дополнявших

«китайские» правовые памятники-своды этого периода. Соответственно, неотъемлемой частью историографии истории права династии Юань следует признать работы таких авторов, публиковавших тексты, переводы и подробно исследовавших указы императоров Юань, как Э. Шаванн [46; 47; 48], Н.Н. Поппе [28], Ф.В. Кливз [51; 52; 53; 54; 55; 56; 57], И.Т. Зограф [14], Д. Томортогоо [69], Л.В. Кларк [50], М. Сугияма [79], В.Л. Успенский [см., напр.: 35] и ряд других.

Большинство сохранившихся до нашего времени указов императоров Юань представляют собой жалованные грамоты представителям различных конфессий, отдельным храмам и монастырям, освобождающие их от уплаты всех или отдельных налогов и сборов. Собственно, и сохранились тексты этих грамот благодаря тому, что были высечены на специальных стелах, установленных на территории соответствующих религиозных комплексов. Тем не менее, конечно же, не следует считать, что содержание императорских указов ограничивалось лишь выдачей льготных грамот: ханские ярлыки регламентировали несравнимо более широкий круг вопросов. В частности, именно ханскими указами назначались улусные правители[1], вассальные монархи, высшие государственные сановники в Китае и за его пределами (в первую очередь – военного ведомства), а также постоянно создавались или упразднялись органы государственного управления в империи Юань (см. подробнее: [64]).

Указами императоров жаловались земельные владения потомкам Чингис-хана, включая и правителей других улусов, а также устанавливались размеры денежных пожалований сановникам, входившим в юаньскую имперскую иерархию (опять же – включая Чингизидов из других улусов Монгольской империи). Даже в период расцвета одного из чингизидских государств, Золотой Орды, в первой половине XIV в. императоры Юань издавали распоряжения в отношении её правителей и их китайских владений (см., напр.: [3, с. 202]). Соответственно, посредством императорских указов вводились (и отменялись) налоги и сборы. Кроме того, издавались и другие указы общеимперского значения – например, указ Хубилая о введении в употребление по всей Монгольской империи квадратного письма (1269) [14, с. 11, 12], указы о статусе национальных и религиозных меньшинств (см., напр.: [16, с. 56]) и пр.

Естественно, традиция издания императорских указов не была принесена в Китай монголами: и до них, и после них акты волеизъявления императоров являлись одним из основных источников права наряду с кодификациями [19, с. 7]. Однако не следует рассматривать эти указы и как прямое влияние китайского права. Традиция

ханских ярлыков-распоряжений (изначально в устной форме) была распространена у монголов ещё до Чингис-хана, а первые письменные ярлыки стали издаваться в соответствии с уйгурской, а не китайской традицией. Лишь к концу правления Чингис-хана, и особенно в эпоху правления его сына Угедэя, т.е. в 1230-е гг., форма ханских ярлыков стала соответствовать форме китайских императорских указов: это произошло под влиянием бывших сановников империи Цзинь [24, с. 74]. Тот факт, что эти указы применялись не только в китайских владениях монгольских ханов (после 1271 г. – империи Юань), подтверждается сходством форм дошедших до нашего времени ярлыков других чингизидских правителей – золотоордынских и чагатайских ханов, а также персидских ильханов[2]. Структура и оформление их актов в полной мере соответствуют общеимперскому формуляру ханских ярлыков.

Кроме того, в отношении указов-ярлыков монгольские правители эпохи Юань придерживались несколько иной правовой позиции, нежели представители «национальных» династий Китая. В традиционном китайском праве императорские указы издавались по частным вопросам либо же в дополнение к кодификациям и впоследствии в эти кодификации включались – в основной текст или в качестве дополнений[3]. Для монголов же ханские указы являлись основным и практически единственным источником права, и в течение довольно длительного времени первые правители Монгольской империи и даже первые императоры Юань не считали нужным проводить кодификацию действующего законодательства.

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о, якобы, существовавших уже в XIII в. кодифицированных актах монгольского имперского права – «Великой Ясе» Чингис-хана и «Белой истории». Ведь именно исходя из наличия у монголов XIII в. собственных правовых сводов исследователи делают вывод о том, что создание кодифицированного законодательства Юань стало закономерным этапом развития монгольского имперского права, утверждая при этом, что эти монгольские своды оказали существенное влияние на юаньское право. Однако новейшие исследования убедительно опровергают существование в кодифицированного законодательства в Монгольской империи и даже в ранней империи Юань – как минимум, до конца XIII в.

«Великую Ясу» Чингис-хана исследователи в течение длительного времени считали (а некоторые считают до сих пор) кодификацией монгольского права – по мнению одних авторов, обычного (см., напр.: [18, с. 80; 34, с. 57; 72, p. 96]), по мнению других – специально созданного Чингис-ханом для своей империи (см., напр.: [6, с. 134; 9,

с. 302, 303]). Однако уже П.С. Попов вполне определённо говорил о том, что «Яса представляют (sic! – *Р.П.*) собою некоторые узаконения или, скорее, наказы Чингис-хана, основанные на обычае» и характеризует их как «составляющие первооснову законодательства монголов, закон, исполнение которого обязательно для каждого из них» [27, с. 0152]. Т.е. уже в начале XX в. исследователи понимали, что Яса не была кодификацией в современном значении. Тем не менее, в XX – начале XXI вв. ряд авторов предпринял попытку представить Великую Ясу как «всеобъемлющую кодификацию», созданную Чингисханом и (или) его ближайшими преемниками (см., напр.: [22; 25]). В 1970–1980-е гг. Д. Айалон и Д. Морган посвятили специальные исследования, в которых убедительно, на наш взгляд, показали, что в реальности Ясы в форме кодификации не существовало, а обозначалась этим термином совокупность указов-ярлыков Чингис-хана и его ближайших преемников, исполнение которых обеспечивало законность и правопорядок в империи (собственно, именно такое значение наиболее полно соответствует термину «яса» или «ясак») [38, p. 105, 106, 127, 138, 139; 70, p. 164, 168, 170, 173–176]. Отмеченные сначала П.С. Поповым, а затем и И. де Рахевилцем ссылки на Великую Ясу в законодательстве империи Юань [72, p. 93, 94], как представляется, нисколько не противоречат выводам Д. Айалона и Д. Моргана, поскольку речь идёт о ссылках на отдельные положения конкретных ханских ярлыков, либо же на общие принципы имперского законодательства, но никак не на статьи искусственно созданной исследователями монгольской имперской кодификации.

Что же касается «Белой истории», то, во-первых, её сложный комплексный характер – как одновременно религиозно-политического сочинения, источника права и философско-дидактического трактата – не позволяет её считать кодификацией монгольского права и уж тем более «основным законом» Монгольской империи (ср.: [5, с. 143]). Во-вторых, несмотря на утверждения ряда исследователей, что «Белая история» была создана в эпоху Хубилая, во второй половине XIII в. [45, с. 7–9], более обоснованной представляется позиция их оппонентов, считающих, что этот исторический памятник появился не ранее второй половины XVI в. – в эпоху активного распространения тибетского буддизма в Монголии [4, с. 76, 77].

Таким образом, говорить о существовании у монголов до империи Юань традиции кодификации нормативных актов не приходится. Монгольских великих ханов, даже ставших императорами Юань, отличала уверенность, что они сумеют и в дальнейшем регламентировать правоотношения своих подданных с помощью указов, издаваемых ad hoc. Несомненно, монголы XIII в. просто не «доросли» до

кодифицированного законодательства и не видели в нём необходимости, что объясняется не столько «недоразвитостью» монгольской государственности и права в рассматриваемый период, сколько особенностями их правосознания и спецификой организации и функционирования созданной ими «степной империи». Именно это объясняет многочисленность попыток китайских советников хана Хубилая и его преемников убедить своих повелителей в необходимости создания правовых кодификаций для своих подданных в империи Юань.

Первые такие попытки были предприняты ещё на начальном этапе правления Хубилая, ещё до его восшествия на ханский престол. В конце 1250-х гг. он, будучи назначенным полководцем и правителем во вновь завоёванных китайских областях, привлёк на свою службу ряд бывших администраторов империй Цзинь и Сун, которым поручил перевести на монгольский язык китайские законы и труды по праву [10, с. 70]. Ободрённые такой инициативой будущего императора, чиновники приступили к разработке обновлённого законодательства для монгольской династии правителей Китая, однако их предложения были приняты их патроном весьма сдержанно, что, впрочем, довольно логично объясняется сосредоточением Хубилая на решении других, более важных проблем – сначала оправданием перед своим венценосным братом Мунке, заподозрившим его в сепаратистских намерениях, затем борьбой за ханский трон с другим братом, Арик-Бугой.

Правда, уже в 1262 г. по инициативе Яо Шу и Ши Тянь-цзе, советников Хубилая, был составлен сборник «первоначальных законов Хубилая», однако даже само название этого сочинения *Чжан-дин тяо-гэ* («Установленные в ходе бесед кодифицированные правила») [10, с. 70] свидетельствует об относительно неформальном характере, несоответствующем представлению о законодательном своде. Два года спустя, благодаря усилиям Елюя Чжу (сына Елюя Чуцая, знаменитого сподвижника Чингис-хана и Угедэя) был составлен ещё один сборник нормативных актов – *Синь-дин тяо-гэ* («Вновь установленные кодифицированные правила») [10, с. 70; 49, p. 14].

Более серьёзная попытка создания правовой кодификации империи Юань была предпринята в 1271 г., когда был принят сборник нормативных правил *Шан-шу-шэн цзоу-дин тяо-гэ* («Доложенные императору шан-шу-шэном и утверждённые кодифицированные правила») (1271) и одновременно – официально отменён действовавший до этого времени свод законов империи Цзинь *Тайхэ-лу* [10, с. 70; 42, p. 388, 390; 49, с. 14]. Однако и этот свод являлся не более чем коллекцией ранее изданных указов Хубилая и распоряжений

высших органов власти, что совершенно не соответствовало представлению его китайских советников о кодифицированном законодательстве. Неудивительно, что уже вскоре после принятия свода 1271 г. советники основателя Юань возобновили попытки убедить его в целесообразности создания настоящего кодекса – по образу и подобию кодификаций прежних династий. Так, в самом начале 1270-х гг. те же Ши Тянь-цзе и Яо Шу начали работу над проектом такого кодекса под названием *Да Юань синь-лу* («Новый кодекс Великой Юань»), однако, как известно из *Юань ши*, проект этот так и не был реализован. Несколькими годами позже с аналогичными предложениями к Хубилаю обращались сановники Чжао Лян-пи (1274–1275 гг.) и Цуй Ю (1283 г.) [49, p. 14–15].

Однако преуспеть удалось лишь Хо Чжун-цзу, ещё одному советнику императора, впоследствии ставшему министром Хубилая и его преемника Тэмура: в 1291 г. по его настоянию был принят свод *Чжи-юань синь-гэ* («Новый свод эпохи Чжи-юань»), который П.Х. Чен, предпринявший реконструкцию этого правового акта, характеризует как «первый значительный кодекс Юань» [49, p. 16]. Впрочем, некоторые авторы оценивают роль этого свода гораздо ниже, считая, что и он являлся всего лишь сборником ранее изданных указов и постановлений в сфере организации и деятельности чиновников и не содержал (в отличие от предыдущих китайских кодексов) положений о преступлениях и наказаниях [42, p. 388]. Полагаем, всё же, что следует согласиться с мнением П.Х. Чена, поскольку структура этого правового памятника, действительно, соответствует даже современным представлениям о кодификациях: он включал в себя раздел об общих принципах правового регулирования, правила назначения на должности, управления обществом, регламентацию финансовой и налоговой деятельности, вопросов социального обеспечения, порядок управления государственными складами и предприятиями, вопросы правоохранительной деятельности, следствия и суда (см. подробнее: [49, p. 107–156]). Что же касается норм о преступлениях и наказаниях, то их отсутствие в данном своде законов компенсировалось распоряжением Хубилая о том, что в качестве судебных прецедентов могут быть использованы его собственные решения, равно как и решения высших органов государственной власти – впоследствии этот принцип нашёл отражение и в других сводах империи Юань [42, p. 394].

Впрочем, на этом попытки создания обобщающего свода законов не завершились. Преемники Хубилая (вернее, их китайские советники) не менее активно занимались созданием законодательства для

своих китайских подданных. Эта деятельность стала тем более актуальной в связи с тем, что к началу XIV в. уже было очевидным, что императорам Юань – великим ханам Монгольской империи не удастся восстановить власть над остальными имперскими улусами. Несмотря на то, что на рубеже XIII–XIV вв. четырьмя улусными правителями (монархами Юань, Золотой Орды иранского Ильханата и Чагатайского улуса) была предпринята попытка объединения, новое образование, во-первых, имело характер конфедерации, в которой главенство императора Юань являлось чисто номинальным, а во-вторых, уже вскоре участники вновь созданной конфедерации начали враждовать между собой, и она фактически распалась, формально, впрочем, продолжая существовать, как минимум, до 1340–1350-х гг. (см. подробнее: [29]). Естественно, в таких условиях всё более важным и даже необходимым становилось укрепление власти великих ханов над своими китайскими владениями, соответственно, их заинтересованность в создании норм права для китайцев существенно возросла. А поскольку кодификации традиционно воспринимались как наиболее авторитетные источники права, работа над ними была возобновлена при дворе преемников Хубилая.

При великом хане Тэмуре, в истории Юань фигурировавшем как Чэн-цзун, были изданы два сборника законов. В 1303 г. новый император, в продолжение законодательной деятельности Хубилая, распорядился подготовить сборник законов и прецедентов под названием *Да-дэ дянь-чжан* («Установления эры Да-дэ»). Однако под влиянием своего советника Хо Чжун-цзу (также «унаследованного» Тэмуром от своего деда Хубилая) двумя годами позже был издан свод *Да-дэ люй-лин* («Законы и распоряжения периода правления Да-дэ»), который, впрочем, тоже представлял собой не кодификацию с единой структурой, а всего лишь сборник прежних законов и указов [10, с. 70; 49, p. 19–21]. Таким образом, можно констатировать, что в большинстве случаев монгольские императоры Китая просто не были способны воспринять идеи своих китайских советников по поводу кодификаций, считая, что в качестве таковых достаточно издавать подборки ранее принятых законов[4].

Неудивительно, что при преемниках Тэмура императорские советники вновь стали поднимать вопрос о создании полноценной кодификации с целью укрепления власти монгольских повелителей над населением Китая, в глазах которого создание фундаментальных правовых сводов, несомненно, служило одним из критериев легитимности правителя или даже династии в целом. В 1309 г. сотрудники Секретариата (*чжун-шу-шэна*) обратились к хану Хайшану (императору У-цзуну) с предложением о разработке нового кодекса,

которое было, в принципе, одобрено, но работа над проектом прекратилась в 1311 г. в связи со смертью императора [49, p. 23].

Гораздо более серьёзная работа была проделана в правление брата и преемника Хашана – хана Аюбарвады (императора Жэнь-цзуна). В том же 1311 г. министр Совета по делам наказаний Сянь Чжан обратился к императору с прошением, в котором утверждал, что ни одна династия не может существовать без строгих единых правил поведения. В ответ на прошение император повелел ему собрать и систематизировать прежние сборники и постановления, однако престарелый сановник умер в том же году, и его работа была продолжена Ли Минем [49, p. 23, 24]. По-видимому, на этот раз власти и в самом деле решили разработать фундаментальный свод законов: работа над проектом длилась в течение десятилетия, и новое законодательство было принято уже при хане Шудибале (император Ин-цзун), в 1323 г. Естественно, ставить это в заслугу юному императору, вступившему на престол в 18 лет и умершему через три года, было бы некорректным: он всего лишь позволил завершить работу, начатую при его отце.

Как бы то ни было, в 1323 г. были изданы два обширных свода законов – *Да Юань тун-чжи* («Общие законы великой династии Юань») и *Юань дянь-чжан* («Установления династии Юань»). Из первого сохранилась лишь часть, известная под названием *Тун-чжи тяо-гэ* («Кодифицированные правила из общих законов»), тогда как текст второго сохранился полностью, что, по-видимому, не в последней степени повлияло на учёных, считающих *Юань дянь-чжан* наиболее значительной кодификацией эпохи Юань[5]. Эта кодификация делилась на две части – *Цянь цзи* («Первый сборник»), содержавший указы и распоряжения 1260–1320 гг., и *Синь цзи* («Новый сборник»), в который вошли нормативные акты 1321–1322 гг. Как видим, и в этом случае кодекс оказался, по сути, собранием ранее изданных актов [14, с. 5, 6; 63, p. 23].

Тем не менее, недооценивать этот источник не стоит, тем более что он является источником сведений не только о праве, но и о государственном устройстве империи Юань, а также, в определённой степени, и по её истории в целом. Свод *Юань дянь-чжан* состоял из 60 книг (цзюаней), в которых освещались такие вопросы как общие принципы права, статус правительственных органов, регулирование церемоний, военного дела, общественных работ, налогов и сборов, деятельность цензората и пр. Неудивительно, что некоторые исследователи (в частности, П. Рачневски) считали *Юань дянь-чжан* даже более совершенной кодификацией, чем кодекс Тан, долгое время считавшийся эталоном [49, p. 31].

Поскольку в разработке этого свода законов наряду с китайским сановником У Чэном активно участвовал, по некоторым сведениям, монгол Байджу (потомок знаменитого Мухали, соратника Чингис-хана и первого правителя завоёванных монголами китайских областей), это объясняет значительную инкорпорацию в *Юань дянь-чжан* норм и принципов монгольского имперского права, в частности, отдельных положений, составлявших «Великую Ясу» Чингис-хана, а также норм, регламентировавших статус и функции монгольских наместников в Китае – даругачи (*та-лу-хуа-чи*) [63, p. 18, 46, 100; см. также: 10, с. 71, 72; 27]. Ч. Далай обратил внимание, что выделить «монгольские» нормы среди «китайских» в этом своде законов можно довольно просто по языку их изложения: императорские указы, доклады сановников и постановления высших органов власти написаны классическим китайским литературным языком, тогда как монгольские элементы переведены на китайский практически в разговорном стиле [10, с. 71].

Работы по кодификации юаньского права были продолжены на рубеже 1320–1330-х гг. при хане Ток-Тэмуре (император Вэнь-цзун). В 1328 г. он приказал своим советникам начать подготовку нового свода законов, работа над которым шла в течение 1329–1331 гг., и в 1332 г. был опубликован новый фундаментальный свод законов *Цзиньши да-дянь* («Великие установления по управлению миром»). По некоторым сведениям, он включал в себя целых 894 книги (цзюаня), однако позднее он был утрачен, и сведения о нём сохранились лишь в китайской династийной хронике *Юань ши* [17, л. 3об–4].

На основании сведений этого источника можно сделать вывод, что свод *Цзиньши да-дянь* включал в себя общие принципы и определения, имперские запреты, административные правила, нормы образования, церемоний, армейские законы и пр. [49, p. 34]. Ряд цзюаней *Юань ши* (трактат *Ши хуа-чжи*, цзюани 93–97) охватывает вопросы государственного регулирования экономики: землевладение и сельское хозяйство, налоги с имущества, морские перевозки, бумажные деньги, сборы с монополий, регулирование соляного и чайного промыслов, производство и продажа спиртного, морская и внешняя торговля (см. подробнее: [77]). Другие цзюани (трактат *Синь фа-чжи*, цзюани 102–103) регламентируют такие аспекты правового развития империи Юань как основные правила и наказания, управление обществом, правила жертвоприношений, образование, военные законы, правила женитьбы, товары и услуги [см. подробнее: 74; 75]. В большинстве случаев содержание свода представляет собой (как и прежние законодательные своды Юань) не статьи в современном понимании, а переформулированное изложение указов предыдущих императоров.

Тот факт, что сведения о содержании *Цзиньши да-дянь* сохранились лишь в вошедших в *Юань ши* трактатах, приводит некоторых исследователей к мысли, что этот законодательный свод вообще не являлся таковым: по их мнению, это была своеобразная правовая «энциклопедия» [14, с. 5]. Однако ознакомление с содержанием этого памятника (насколько можно судить, опять же, по сведениям *Юань ши*) позволяет не согласиться с подобным утверждением. Охват широкого круга практических правозначимых вопросов, включение в свод текстов императорских указов и других правовых актов, несомненно, свидетельствует о его правоприменительном, а не доктринальном характере. Более того, многие разделы свода были характерны и для более раннего китайского законодательства. В частности, достаточной полной регламентации (как и в других юаньских кодификациях) подвергся вопрос о браке [42, p. 396, 398, 399], относящийся к частноправовой сфере: монгольские императоры старались не вмешиваться в частную жизнь своих подданных, позволяя им строить правоотношения в этой сфере на основе собственных законов или обычаев, зато эта сфера весьма скрупулёзно регламентировалась традиционным китайским правом. А тот факт, что *Цзиньши да-дянь* имеет также и раздел, посвящённый общим принципам управления и определения наказаний, позволяет считать его полноценной кодификацией, имеющей своеобразную «общую часть», характерную и для современных законодательных сводов.

Наконец, уже в поздний период империи Юань, в 1346 г. был составлен ещё один свод законов *Чжи-чжэн тун-чжи* («Законы эры Чжи-чжэн»), которые также сохранились до нашего времени[6]. Принятие нового кодекса, да ещё и в условиях глубокого политического кризиса династии Юань, было связано с тем, что положения прежних сводов, по мнению новых властей, устарели. В результате был принят свод законов, который насчитывал 34 книги (цзюаня), большинство из которых посвящено вопросам организации управления Китаем, причём, как и прежние кодификации, включал в себя отдельные принципы монгольского имперского права [1, с. 132; 49, p. 36]. Впрочем, этот источник представляет ценность в большей степени как памятник завершающего этапа истории Юань, нежели как действительно фундаментальная кодификация.

Оценивая содержание норм права эпохи Юань в целом, исследователи не без оснований считают, что оно было более либеральным по сравнению как с предшествующим правом династии Сун, так и с последующим правом династии Цин (равно как и политическая система), поскольку, в отличие от представителей этих династий, монголы не стремились стать самодержавными монархами над Китаем.

Кроме того, некоторые проекты в политико-правовой сфере, разрабатывавшиеся при Сун, получили воплощение уже при Юань [13, с. 146; см. также: 65, p. 15].

Тем не менее, отсутствие полноценного свода законов приводило к различным проблемам в правовой практике. Во-первых, сборники императорских указов и распоряжений высших административных органов, несмотря на свою многочисленность, не могли охватить все аспекты правоотношений, поэтому многие региональные чиновники и судьи даже после официального запрета на применение прежнего китайского законодательства в 1271 г. продолжали его применять. Уже в 1276 г. Хубилай выражал недовольство, что население Северного Китая продолжает пользоваться *Тайхэ лу*, демонстрируя свою нелояльность новой династии, и даже в 1307 г. секретариат *чжун-шу-шэн* был вынужден констатировать, что этот свод законов Цзинь продолжал применяться. Кроме того, в указах, вошедших в *Юань дянь-чжан*, упоминается, что чиновники на местах не отказывались от применения права империи Сун [42, p. 391–393; 49, p. 21]. Во-вторых, отсутствие чётких норм о преступлениях и наказаниях вызывало растерянность судей. И хотя Хубилай, как отмечалось выше, предписал использовать в качестве источника права – судебного прецедента – свои собственные решения и решения высших органов власти по конкретным делам, они, как и императорские указы, не могли охватить все случаи, встречавшиеся в судебной практике. В результате многие судьи низшего и среднего звена просто-напросто не выносили решений, а обращались непосредственно в вышестоящие административные органы [42, p. 400–402].

По мнению ряда исследователей, последние великие ханы – императоры Юань уже в большей мере являлись китайскими, нежели монгольскими монархами, в полной мере восприняли китайскую культуру и систему ценностей, включая её политические и правовые аспекты, а также и язык. Даже многие указы последних правителей, как полагают некоторые специалисты, писались исключительно на китайском языке (см., напр.: [11, с. 12]). Однако, по-видимому, на самом деле языковая ситуация в правовой сфере была несколько иной. Последний из принятых в эпоху Юань законодательных сводов, *Чжи-чжэн тяо-гэ*, был написан на фактически разговорном («вульгарном») китайском языке[7], однако исследователям известны его фрагменты, сохранившиеся на монгольском, из чего они делают вполне обоснованный вывод о том, что правовые акты эпохи Юань составлялись, скорее всего, на двух языках. Это подтверждается также тем фактом, что большинство сохранившихся до нашего времени жалованных

грамот юаньских императоров духовенству и отдельным монастырям также представляли собой билингвы, т.е. были написаны на китайском и монгольском языках. Кроме того, и в других государствах Чингизидов монгольский язык практически до прекращения их существования оставался языком правящей элиты и, соответственно, по меньшей мере, одним из официальных государственных[8].

Таким образом, можно сделать вывод, что право и законодательство империи Юань всё же не может быть однозначно охарактеризовано ни как монгольское, ни как китайское. Акты императоров Юань как ханов Монгольской империи, безусловно, являются источниками права монгольского (в смысле – имперского, а не принадлежащего одноимённому кочевому народу), тогда как кодификации права для Китая, в свою очередь, наряду с преобладающим большинством воспринятых новой династией принципов и даже норм права прежних династий также включали в себя элементы монгольского права – особенно в сфере управления, налогов и т.п. Учитывая дуализм статуса самой правящей династии Юань, полагаем, не следует абсолютизировать роль ни монгольских, ни китайских элементов в системе юаньского права.

Интересно отметить, однако, что кодификации династии Юань, действовавшие преимущественно на территории Китая, несмотря на то, что они базировались в большинстве своём на типичных китайских правовых ценностях, тем не менее, в целом не были использованы преемниками монгольских ханов – императорами династии Мин: последние предпочли опираться на «классическое» китайское право, созданное ещё в эпоху Тан [33, с. 11]. Почему же минские императоры предпочли устаревшие нормы более новым? Неужели кодексы эпохи Юань всё же имели некую «монгольскую» специфику, что не позволило опираться на них представителям новой «национальной» китайской правящей династии?

Ответ на этот вопрос следует искать в области не правовой, а чисто политической. Дело в том, что Чжу Юаньчжан, основатель династии Мин, стремясь легитимизировать свои права на трон, объявил правление династии Юань незаконным и, соответственно, любые ссылки на её законодательство также выглядели бы не имеющими правовой силы (см. подробнее: [60]). Кроме того, интересно отметить, что в качестве одной из причин падения Юань он отметил именно отсутствие у неё полноценного правового кодекса (см.: [33, с. 11, 12; 42, p. 389]). Поэтому в качестве образца для собственного законодательства основатель династии Мин взял устаревшее, но вполне «легитимное» право такой же «национальной» династии Тан. Надо отметить, что подобные примеры уже имели место в мировой

истории. Например, в IX в. императоры Македонской династии в Византии, стремясь перечеркнуть значение правивших до них «иконоборческих» династий (Исаврийской и Аморейской), точно таким же образом отменили разработанное при них законодательство и взяли за образец устаревшее право эпохи Юстиниана I Великого (середина VI в.), чьё правление представлялось им идеальным [21, с. 85]. Аналогичными соображениями, по-видимому, руководствовались и императоры династии Мин, для которых правление монгольской династии Юань было незаконным и чуждым, тогда как эпоха династии Тан воспринималась как «золотой век» в истории Китая. Таким образом, нет оснований для вывода о том, что законодательство эпохи Юань было несовершенным или «некитайским» и поэтому не было использовано при разработке законодательства империи Мин. Кроме того, отдельные императорские указы, многие судебные прецеденты, равно как и принципы юаньского права (в свою очередь, базировавшиеся на принципах более ранних китайских кодификаций) оказались востребованы и в минскую эпоху [42, p. 403; 49, p. 22, 23].

Примечания

[1] Естественно, после фактического распада Монгольской империи во второй половине XIII в. эти указы в большинстве случаев являлись простой формальностью, тем не менее Хубилай, монгольский хан и основатель династии Юань, выдавал ярлыки на правление таким фактически независимым правителями как золотоордынский хан Менгу-Тимур или персидский ильхан Абага [30, с. 168; 31, с. 67].

[2] Исследования чингизидской дипломатики довольно многочисленны, соответственно, современный уровень знаний о конкретных официальных актах чингизидских государств XIII–XIV вв. и их канцелярской практике вообще позволяет уверенно говорить о едином формуляре таких документов во всех государствах Монгольской империи (см., напр.: [7; 39; 67; 68]).

[3] Характерным примером такой практики является текст «Законов Великой династии Мин», в котором основные статьи дополнены большим количеством дополнительных постановлений, представлявших собой именно императорские указы, развивавшие или дополнявшие основные статьи этого свода законов [33, с. 35–36].

[4] Впрочем, вряд ли это можно оценивать как показатель правовой «недоразвитости» императоров Юань: в своё время даже в Римской империи, достигшей высот в сфере юриспруденции, в течение многих веков (вплоть до издания Кодекса Юстиниана в середине VI в.) не было создано полноценной кодификации, в то время как в качестве «кодексов» издавались именно сборники ранее изданных императорских конституций (см.: [26, с. 211, 212]).

[5] Китайский вариант *Юань дянь-чжан* неоднократно издавался, однако попыток его полного перевода на другие языки, насколько нам известно, до

сих пор не предпринималось. Ч. Далай упоминает о переводе на монгольский язык уложения *Юань дянь-чжан*, осуществлённом Алтан-Баганой, который так и не был опубликован [10, с. 69, 191].

[6] Экземпляр этих законов был сравнительно недавно обнаружен в Корее, тогда как на территории Китая таковых не сохранилось.

[7] Личная консультация Е.Ф. Баялиевой.

[8] Так, например, имеются сведения, что даже золотоордынский хан Узбек, при котором Золотая Орда стала официально мусульманским государством и, как принято считать, была окончательно «тюркизирована», общался со своими приближёнными на монгольском языке [32, с. 89; см. также: 8; 82].

Литература

1. *Баялиева Е.Ф.* Кодекс законов династии Юань – новый источник по истории Китая // XVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. “Традиционализм” и “революционизм” на Востоке». 24–26 апреля 2013 г. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013.

2. *Беляев В.А.*, *Сидорович С.В.* К вопросу о монетах Чжи-Чжэн императора Шунь Ди // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М.: Нумизматическая литература, 2008.

3. *Беляев В.А.*, *Сидорович С.В.* Ставка Великого хана и улусы по нумизматическим данным // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М.: Нумизматическая литература, 2008.

4. *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М.: Наука, 1978.

5. *Ванчикова Ц.П.* Структура и источники «Белой истории» // Мир Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Культурология. Философия. Источниковедение Т. III. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

6. *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана // *Вернадский Г.В.* История права. СПб.: Лань, 1999.

7. *Григорьев А.П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.

8. *Григорьев А.П.* Официальный язык Золотой Орды // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, 1981.

9. *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Клышников, Комаров и К°, 1992.

10. *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1983.

11. *Дмитриев С.В.*, *Кузьмин С.Л.* Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2012. № 3.

12. *Дугарова С.Ж.* Монгольское право в период Юаньской империи // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28).

13. Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / гл. ред. *М.Л. Титаренко*. М.: Восточная литература, 2006.

14. *Зограф И.Т.* Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М.: Наука, 1984.

15. *Иванов А.* Официальные документы династии Юань на китайском языке // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XVII. Вып. 2–3. 1906. СПб., 1907.

16. *Кадырбаев А.Ш.* Иудеи в императорском Китае (от Юань до Цин) // Общество и государство в Китае: XXXVIII научная конференция. М.: Восточная литература, 2008.

17. *Казин В.Н.* Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией (стенограмма доклада, 1940 г.) // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 133. Оп. 1, ед. хр. 3. 21 л.

18. *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: Наука, 1973.

19. *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права. М.: Наука, 1986.

20. *Ливанцев К.Е.* История государства и права средних веков. СПб.: Питер, 2002.

21. *Липшиц Е.Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л.: Наука, 1981.

22. *Минжин Ц.* Их Засаг. Түүх, эрх зүйн шинжилгээ. Улаанбаатар, 2009.

23. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965.

24. Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер., введ., коммент. *Н.Ц. Мункуева*. М.: Наука, 1975.

25. *Ням-Осор Н.* Роль и содержание закона «Их засаг» в истории и культуре Монголии // Мир Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. История. Социология. Т. II. Ч. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

26. *Покровский И.А.* История римского права. Минск: Харвест, 2002.

27. *Попов П.С.* Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дянь-чжан // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XVII. Вып. 2–3. 1906. СПб., 1907.

28. *Поппе Н.Н.* Квадратная письменность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

29. *Почекаев Р.Ю.* Вторая империя монголов: притязания и действительность // Монгол – Оросын түүх бичлэг дэх Монголын эзэнт гүрэн (Эрднэм шинжилгээний хурлын материал) (Монгольская и российская историография Великой Монгольской империи (Сборник научных статей конференции)). Улаанбаатар. 2009.

30. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. *Ю.П. Верховского*, примеч. *Ю.П. Верховского* и *Б.И. Панкратова*, ред. *И.П. Петрушевский*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

31. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. *А.К. Арендса*, ред. *А.А. Ромаскевич*, *Е.Э. Бертельс*, *А.Ю. Якубовский.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

32. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

33. *Свистунова Н.П.* Краткий очерк истории минского законодательства // Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Ч. I / Пер. с кит., исслед., примеч. и прил. *Н.П. Свистуновой.* М.: Восточная литература, 1997.

34. *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана / 2-е изд., перераб., доп. и испр. СПб.: Евразия, 2013.

35. *Успенский В.Л.* Монголы и буддизм в XIII веке // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Материалы международной конференции. Бишкек, 3–5 октября 2002 г. Бишкек, 2003.

36. *Храпачевский Р.П.* Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники. М., 2009.

37. *Храпачевский Р.П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников). М.: ЦИВОИ, 2013.

38. *Ayalon D.* The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. Part A // Studia Islamica. № 33. 1971.

39. *Biran M.* Diplomacy and chancellery practices in the Chagataid khanate: Some preliminary remarks // Oriente Moderno. Nuova serie. Anno 88. Nr. 2. Les relations diplomatiques entre le monde musulman et l'Occident latin (XIIe–XVIe siecle). 2008.

40. *Birge B.* Levirate Marriage and the Revival of Widow Chastity in Yuan China // Asia Major. Ser. 3. Vol. 8. P. 2. 1995.

41. *Birge B.* Sexual Misconduct in Mongol Yuan Law, with some Observations on Chinggis Khan's Jasagh // Mongolica. Vol. 22 (43). 2009.

42. *Birge B.* Sources of Law in Mongol-Yuan China (1260–1368). Adjucation in the Absence of Legal Code // Miscellanea Asiatica: Melanges en Honneur de Festschrift in Honour of Francoise Aubin / Ed. by *D. Aigle*, *I. Charleux*, *V. Goossaert* and *R. Hamayon.* Sankt Augustin: Institut Monumenta Serica, 2010.

43. *Birge B.* Women and Property in Sung Dynasty China (960–1279): Neo-Confucianism and social change in Chien-chou, Fukien. Ph. D. Diss. Columbia University, 1992

44. *Birge B.* Women, Property and Confucian Reaction in Sung and Yuan China (960–1368). Cambridge University Press, 2004.

45. Čaγan teüke – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / Пер. *П.Б. Балданжапова*, исслед., коммент. *Ц.П. Ванчиковой*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.

46. *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellery chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser II. Vol. 5. Leide, 1904.

47. *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellery chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser II. Vol. 6. Leide, 1905.

48. *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellery chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser II. Vol. 9. Leide, 1908.
49. *Ch'en P.H.* Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed. Princeton University Press, 1979.
50. *Clark L.V.* On a Mongol Decree of Yisun Temur (1339) // Central Asiatic Journal. Vol. XIX. No. 3. Wiesbaden, 1975.
51. *Cleaves F.W.* A Chancellery Practice of the Mongols in the Thirteenth and Fourteenth centuries // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 14, No. 3/4. Dec., 1951. Pp. 493–526.
52. *Cleaves F.W.* The Lingji of Arug of 1340 // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 25, 1964–1965. Pp. 31–79.
53. *Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in memory of Chang Ying-Jui // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 13. No 1/2. Jun. 1950. Pp. 1–131.
54. *Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1338 in memory of Jiguntei // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 14. № 1/2. Jun. 1951. Pp. 1–104.
55. *Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1346 // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. № 1/2. Jun. 1952. Pp. 1–123.
56. *Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1348 // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1967. Pp. 76–102.
57. *Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in memory of Prince Hindu // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 12, No. 1/2 (Jun., 1949) Pp. 1–133.
58. *Dardess J.W.* Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yuan China. New York: Columbia University Press, 1973.
59. *Dardess J.W.* From Mongol Empire to Yüan Dynasty: Changing Forms of Imperial Rule in Mongolia and Central Asia // Monumenta Serica. Vol. 30. 1972–1973.
60. *Dardess J.* Ming T'ai-tsu on the Yuan: An Autocrat's Assessment on the Mongol Dynasty // Bulletin of Sung Studies. № 14. 1978.
61. *Dardess J.W.* The Cheng Communal Family: Social Organization and Neo-Confucianism in Yüan and EarlyMing China // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 34. 1974. Pp. 7–52.
62. *Endicott-West E.* Imperial Governance in Yuan Times // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 46. № 2. Dec. 1986. Pp. 523–549.
63. *Endicott-West E.* Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yüan Dynasty. Harvard University Press, 1989.
64. *Farquhar D.M.* The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990.
65. *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty. München: Verkag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1978.
66. *Langlois J.D.* "Living Law" in Sung and Yuan Jurisprudence // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 41. No. 1. Jun. 1981.

67. *Matsui D.* A Mongolian Decree from the Chaghataid Khanate Discovered at Dunhuang // Aspects of Research into Central Asian Buddhism: In Memoriam Kogi Kudara. Turnhout: Brepols, 2008.

68. *Matsui D.* An Uigur decree of tax exemption in the name of Duwa-Khan // Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдээ. 2007. № 4.

69. Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries). Introduction, Transcription and Bibliography) / Ed. by *D. Tumurtogoo*. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006.

70. *Morgan D.O.* The "Great Yasa of Chingis Khan" and Mongol Law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIX. № 1. 1986.

71. *Munkuyev N.* Ts. Two Mongolian Printed Fragments from Khra-Khoto // Mongolian Studies. Vol. 14. Amsterdam, 1970.

72. *Rachewiltz I. de.* Some Reflections on Chinggis Qan's Jasagh // East Asian History. 1993. № 6.

73. *Ratchnevsky P.* Jurisdiction, Penal Code and cultural confrontation under Mongol-Yuan law // Asia Major. Vol. VI. P. 1. 1993.

74. *Ratchnevsky P.* Un code des Yuan. Vol. 1 / Intr. par. *P. Pelliot*. Paris: Librairie Ernest Leroux. 1937 (2nd ed.: Paris: College de France, Institut des hautes etudes chinoises. 1985).

75. *Ratchnevsky P.* Un code des Yuan.Vol. 2. Paris: Presses universitaires de France, 1972.

76. *Ratchnevsky P.* Un code des Yuan. Vol. 3. Paris: Presses universitaires de France, 1977.

77. *Schurmann H.F.* Economic Structure of the Yüan Dynasty: Translation of Chapters 93 and 94 of the Yüan shih (Harvard-Yenching Institute Studies. Vol. XVI). Harvard University Press, 1956.

78. *Schurmann H.F.* Mongolian Tributary Practices of the 13th Century // Harvard Journal of Asiatic Studies № 19. 1956.

79. *Sugiyama M.* The Phags-pa Mongolian inscription of Toγon-temür qaγan edict // Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko. 1988. № 46.

80. *Wolff E.* Law Court Scenes in the Yuan Dramas // Monumenta Serica. Vol. 29. 1970–1971.

81. *Yang Lien-cheng.* Marginalia to the Yuan tien-chang // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 19. No. 1/2. Jun. 1956.

82. *Zograph I.* Mongolian Borrowings in Documents of Yuan Chancellery // Manuscripta Orientalia. Vol. 8. № 2. June 2002.